

Глава IV. Возражение против нашей системы, основанное на опасении соблазнов праздности

Сущность этого возражения. — Новому устройству общества должно предшествовать серьезное развитие сознания. — Количество ручного труда, потребного при таком устройстве, будет ничтожно. — Всеобщее стремление к почету. — Влияние этого стремления при новом устройстве общества, его преодоление, в конце концов, более высокими устремлениями в будущем.

Другое возражение, которое выдвигалось против устройства общества, препятствующего накоплению собственности, заключается в том, «что оно положит конец трудолюбию. В торговых странах мы наблюдаем чудеса, производимые страстью к наживе. Их жители покрывают моря своими кораблями, поражают человечество изощренностью своих выдумок, при помощи своего оружия держат в подчинении обширные континенты в разных частях света; они способны бросить вызов самым мощным союзам, и подавленные налогами и долгами, они создают новые богатства под бременем уже накопленных. Можно ли легко расстаться с системой, отмеченной такой неиссякаемой силой? Можно ли поверить, что люди, не имея уверенности в возможности применить накопленное для своего личного удовлетворения, будут его заботливо беречь? Может оказаться, что сельское хозяйство, как и торговля, больше всего процветает тогда, когда оно свободно от контроля, но подвергнутое жестким правилам оно чахнет и погибает. Установите только в качестве общественного принципа, что ни один человек не должен получать для своего личного пользования больше, чем нужно для удовлетворения его потребностей, и вы увидите, как вес-люди равнодушно прекратят ту работу, которая сейчас напрягает все их способности. Человек — создание чувственное, и поэтому, когда мы пытаемся напрячь его умственные силы и управлять им при помощи одного разума то мы только обнаруживаем свое незнание его природы. Себялюбие — это истинный побудительный мотив наших действий[11]. Поэтому даже если обнаружится, что оно ведет за собой пороки и предубеждения, то все равно попытки преодолеть его окажутся в лучшем случае не более, чем прекрасной мечтой. Если бы люди поняли, что, не нуждаясь в применении личного труда, они могут предъявить притязания на излишки, которые имеет сосед, то безделье постепенно разрушило бы их способности; подобное общество будет обречено либо на голодную смерть, либо в интересах собственной защиты должно будет вернуться к той системе несправедливости и

низкой корысти, которую мыслители-теоретики будут постоянно бесцельно осуждать».

[11] Для изучения этого принципа см. кн. IV, гл. VIII{23}.

Таково основное возражение, мешающее людям уступить без сопротивления доводам, только что нами приведенным. В ответ надо прежде всего сказать, что равенство, за которое мы ратуем, наступает после большого интеллектуального совершенствования. Такой решительный переворот в человеческих делах не может произойти до тех пор, пока человеческий дух не будет высоко развит. Сейчас человечество переживает возраст просвещения, но можно думать, что оно еще не достаточно просвещено. При осуществлении мысли об уравнивании собственности может произойти беспорядок из-за поспешных и непродуманных мер. Но неизменную систему этого рода можно установить только при спокойной и ясной вере в справедливость, справедливость — взаимно оказываемую и проявляемую, при вере в счастье, которое возникнет, когда будут оставлены наши самые закоренелые привычки. Попытки, сделанные без такой подготовки, приведут только к замешательству. Они дадут кратковременный результат, затем последует новое, еще более варварское неравенство. Все люди со своими низменными вожделениями будут только ждать удобного случая, чтобы удовлетворить жажду власти или любовь к почету за счет своих беспечных соседей.

Можно ли поверить, что состояние такого большого интеллектуального совершенства окажется только предвестником варварства? Правда, дикари подвержены той слабости, которая зовется беспечностью. Но цивилизованные государства являют картину особой активности. Разум, острота исследования, усердие в преследовании цели — все это приводит в действие совокупность человеческих способностей. Мысль рождает мысль. Ничто не может положить предела поступательному развитию духа, кроме гнета. Но поскольку люди не будут подвергаться гнету, они все будут равны, все будут независимы и все будут жить в довольстве.

Замечено, что установление республики всегда сопровождалось энтузиазмом общества и неудержимым духом предприимчивости. Можно ли поверить, что равенство, этот истинный республиканизм, окажется менее действенным? Правда, замечено также, что в республиках подъем раньше или позже начинает ослабевать. Республиканизм — это не то средство, которое уничтожает зло в самом его корне. Несправедливость, гнет и бедность могут найти себе пристанище в этих видимо счастливых странах. Но что сумеет сдержать усердие и помешать успехам там, где неизвестны будут привилегии собственности?

Сила этого довода еще усугубится, если мы задумаемся над количеством труда, потребного в условиях уравнивания собственности. Сколько потребуется того усилия, которого, как предполагается, так боятся многие члены общины? Оно составит такое легкое бремя, что скорее будет похоже на приятное развлечение и легкий мотцион, чем на труд. В описываемой общине вряд ли кто-нибудь будет считать себя вследствие своего положения или призвания освобожденным от физического труда. Там не будет богатых, предающихся праздности и жиреющих за счет труда своего ближнего. Математик, поэт и философ извлекут новый запас бодрости и энергии из той работы, которую им придется делать и которая позволит им чувствовать себя людьми. Там никто не будет занят на производстве

безделушек и предметов роскоши, никто не будет направлять колеса сложного правительственного механизма, не будет сборщиков налогов, надсмотрщиков, акцизных и таможенных чиновников, писцов и секретарей. Не будет существовать ни флотов, ни армий, не будет ни придворных, ни лакеев. Сейчас большое число жителей в каждой культурной стране занято совершенно бесполезными делами, в то время как крестьянство беспрестанно трудится для того, чтобы эти люди могли сохранять свое положение, более вредное, чем всякое безделье.

Вычислено, что в Англии не более одной двадцатой части населения серьезно и основательно занимается сельским хозяйством. Прибавьте к этому, что по самой своей сущности земледелие в некоторые времена года занимает людей полностью, а в другие периоды оставляет их сравнительно свободными. Мы можем эти периоды считать равноценными времени, которого при умелом руководстве достаточно в обществе с простой организацией для производства орудий, для прядения, для шитья одежды, хлебопечения, убоя и разделки скота. При теперешнем состоянии общества ставится задача умножения количества затрачиваемого труда, но при ином его состоянии задача будет заключаться в сокращении этого труда. Большая несоразмерная сумма богатств отдана в руки немногих, причем люди постоянно применяют всю свою изобретательность для изыскания способов, которые позволили бы это богатство еще увеличить. В феодальные времена владетельный лорд призывал бедных, чтобы они пришли к нему и ели продукты, полученные с его поместья, при условии, что они будут носить его ливрею и стоять строем для оказания чести его высокородным гостям. Сейчас, когда обмен облегчился, мы отказались от таких упрощенных приемов и принуждаем людей, которых мы содержим за счет своего дохода, давать в обмен свое умение и труд. Поэтому в упомянутых, например, случаях мы оплачиваем портного, чтобы он разрезал наше сукно на куски и затем снова сшил их, а также украсил его строчкой и разными отделками, без которых, как показывает опыт, оно ничуть не было бы менее полезно. Мы же для новых условий общества желаем самой строгой простоты.

Из данного здесь наброска видно, что будет вполне достаточно труда каждого двадцатого человека в общине для обеспечения остальных всем абсолютно необходимым. И если затем вместо того, чтобы эту работу выполняло такое небольшое число людей, распределить ее дружески между нами всеми, то она займет двадцатую часть времени у каждого. Предположим, что труд берет сейчас у каждого работоспособного человека десять часов в сутки, что, при учете часов сна, отдыха и еды, составляет вполне достаточную величину. Из этого вытекает, что полчаса, затрачиваемые ежедневно на добросовестный физический труд каждым членом общины, позволят снабдить всех в должной мере всем необходимым. Кто же может испугаться такой деятельности? Всякий, кто видит, как люди неустанно трудятся в нашем городе и на нашем острове, не сумеет даже поверить, что, работая ежедневно полчаса времени, мы во всех смыслах будем более счастливы и окажемся в лучшем положении, чем сейчас. Возможно ли любоваться такой прекрасной и благородной картиной независимости и добродетели, где каждый человек имеет столько досуга для упражнения самых благородных сторон своего духа, и не чувствовать при этом, как сама душа возвышается от восторга и надежды?

Когда мы говорим, что люди погрузятся в безделие, если их не будет возбуждать стремление к наживе, то это, конечно, значит, что мы очень мало изучали побуждения, которые управляют сейчас человеческим рассудком. Нас вводит в заблуждение кажущееся корыстолюбие человечества, и мы воображаем, что накопление богатства составляет его великую цель. Но дело обстоит совершенно иначе. Сейчас основная страсть человеческого духа заключается в любви к почету. Нет сомнения, что имеется общественный класс, постоянно подстрекаемый голодом и нуждой, который не имеет досуга для побуждений менее грубых и материалистических. Но разве класс, находящийся непосредственно над ним, менее трудолюбив, чем он? Я совершаю определенный вид работы для удовлетворения своих непосредственных нужд. Но эти потребности удовлетворяются быстро. Остальной труд затрачивается на то, чтобы я мог носить лучшую одежду, чтобы мог нарядить свою жену, чтобы иметь не только укрытие, но красивое жилище, не только хлеб или мясо для еды, но чтобы они были поданы в соответствующем виде. Разве я проявил бы интерес ко всему этому, если бы жил на пустынном острове и никто не мог бы наблюдать мое хозяйство? Если я слежу за всем, что окружает мою личность, то разве существует в этом окружении хоть что-нибудь, не предназначенное для того, чтобы возбуждать почтение соседей или предохранять от их презрения? С этой целью купец пренебрегает опасностями, связанными с морем, а механик-изобретатель приводит в действие все силы своего ума. Солдат наступает на самое пушечное дуло, государственный деятель подвергает себя ненависти возмущенной толпы, и все это потому, что они не могут примириться с тем, чтобы прожить жизнь без почета и уважения. Это и есть причина всех великих деяний человеческих, за исключением некоторых более высоких мотивов. Мы о них сейчас упомянем. Ум человека, которому не о чем заботиться, кроме удовлетворения животных потребностей, едва ли когда-нибудь пробудится из своего дремотного состояния; но жажда признания толкает нас на самые невероятные подвиги. Очень часто можно встретить людей, превосходящих всех остальных своей активностью и в то же время непростительно безразличных к улучшению своих денежных дел.

В действительности сторонники рассматриваемого суждения не понимали своего собственного аргумента. Они сами не могли искренно верить, что людей побуждает к действию только желание наживы, но им казалось, что в условиях имущественного равенства ничто не будет возбуждать интереса людей. Сейчас мы посмотрим, какая имеется в этом доля истины.

Вполне очевидно, что стремление к почету ни в коем случае не устраняется при таких общественных условиях, которые несовместимы с накоплением собственности. Люди, лишившись возможности приобретать уважение соседей или избегать их пренебрежения с помощью одежды и обстановки, направят свою страсть к почету по другому руслу. Они будут стараться избегать упрека в праздности так же старательно, как теперь они избегают упрека в бедности. Сейчас только такие люди безразличны к впечатлению, производимому их наружностью и видом, на лицах которых лежит печать голода и нужды. Но в условиях общества, где все равны, никто не будет знать гнета бедности, и более тонкие склонности души сумеют проявить себя. Поскольку человеческое сознание вообще достигнет, как мы только что показали, высокой степени совершенства, постольку импульсы, приводящие его в действие, будут сильнее, чем когда-либо прежде. Велика будет тогда активность общественного духа. Досуг умножится, а досуг для просвещенного ума это как раз то, что

нужно для великих дел, вызывающих признание и уважение. В состоянии спокойного досуга никто, кроме людей самого возвышенного духа, не сумеет существовать, не испытывая жажды почета. Эта страсть, не растраченная по ложным путям в бесплодных блужданиях, будет искать благороднейших выходов и постоянно оплодотворять предприятия, предназначенные для общественного блага. Человеческий разум, который, вероятно, никогда не достигнет предела в совершаемых им открытиях и в собственном совершенствовании, будет развиваться с такой быстротой и такой твердой поступью, которых мы в настоящее время даже не в состоянии себе представить.

Страсть к славе, несомненно, обманчива. Подобно всякой другой иллюзии, и она, в свою очередь, будет распознана и устранена. Это химеричный фантом, который, конечно, доставляет нам некоторое неполное удовлетворение до тех пор, пока мы поклоняемся ему, но который всегда до известной степени разочаровывает нас и не выдерживает испытания опытом. Мы не должны любить ничего, кроме добра, чистого и неизменного счастья, блага для большинства, добра для всех. Сверх этого нет ничего существенного, кроме справедливости, принципа, покоящегося на той единственной предпосылке, что все люди представляют существа одной общей природы и что они имеют право, с некоторыми ограничениями, на одинаковые блага.

Кто из нас утвердит эту идею справедливости, — не существенно, лишь бы достичь ее. Справедливость имеет еще то преимущество, помогающее опровергнуть суждение о правильности приведенных ранее расчетов, что она доставляет единственное прочное счастье тем людям, которые ее соблюдают, и в то же время представляет благо для всех. Слава же не может принести мне пользы, так же как она не может служить добрым намерениям других людей. Человек, действующий из любви к ней, может содействовать общественному благу, но если он и содействует, то путем косвенным и побочным. Слава представляет цель ложную и обманчивую. Если она означает, что обо мне складывается суждение более положительное, чем я заслуживаю, то стремиться к ней порочно. Если же она дает точное отражение моих свойств, то она полезна только в том смысле, что она поможет мне сделать много добра тем людям, которым хорошо известны пределы моих дарований и честность моих намерений.

Жажда славы, укоренившись в душах, сформировавшихся при теперешней системе, часто приводит к еще большим порокам. Себялюбие — это тот плод, который порождается привилегиями. Поэтому когда это себялюбие перестает искать удовлетворения в общественных делах, то оно очень часто суживается до поисков личных удовольствий либо чувственных, либо интеллектуальных. Но этого не может быть там, где уничтожены привилегии. Там не будет условий, потворствующих себялюбию. Тогда всепобеждающее представление об общем благе непреодолимо овладеет нами. Нам не потребуется никаких личных мотивов, когда мы ясно увидим, что наш труд приносит пользу стольким людям в течение длительного периода, когда мы поймем, как связаны причины и следствия в бесконечную цепь, так что ни одно добросовестное усилие не может пропасть даром и должно принести пользу века спустя после того, как сам человек давно сошел в могилу. Это возбудит общее сочувствие и послужит примером для всех.